

Александр Поворот
Реки

Геометрия бытия. Наследие хаоса

Мистические истории

Александр Поворот Реки

Геометрия бытия. Наследие хаоса

«Автор»

2026

Поворот Реки А.

Геометрия бытия. Наследие хаоса / А. Поворот Реки — «Автор», 2026 — (Мистические истории)

Что, если реальность — лишь хрупкий узор, готовый распасться от одного неверного вздоха? Катя и Сергей думали, что победили. Но цена победы оказалась выше, чем они могли представить. Теперь они — якоря бытия, последние защитники реальности, чья любовь стала единственным оружием против абсолютного небытия. Когда кошмары прошлого возвращаются в облике новой, первородной ошибки, готовой переписать сам код мироздания, героям предстоит сделать невозможный выбор. Сможет ли человеческая любовь противостоять холодной логике уничтожения? И какую цену придётся заплатить за право быть несовершенным? Погрузитесь в мистический хоррор, где геометрия сводит с ума, звёзды складываются в зловещие послания, а битва за душу мира происходит не на полях сражений, а в человеческом сердце. Это история о том, как хаос и порядок рожают новую жизнь... и новых чудовищ. Смогут ли они спасти мир от древних сил тьмы, угрожающих стереть само бытие?

Содержание

Пролог: Пробуждение без памяти.	5
Часть 1. Бег без направления.	8
Часть 2: Шепот в Каменных Венах.	20
Часть 3. Геометрия безумия.	22
Часть 4. Метка и Тень.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Поворот Реки

Геометрия бытия. Наследие хаоса

Пролог: Пробуждение без памяти.

Она проснулась от того, что что-то лизало её лицо. Что-то тёплое, шершавое, пахнущее медью и старыми книгами. Открыла глаза — и увидела тьму. Не ночную тьму. Не подвальную. Другую. Тьму, которая была не отсутствием света, а его противоположностью. Тьму, которая жила.

Потом включилось зрение. Медленно. Болезненно. Как будто глаза не хотели видеть то, что было перед ними.

Стены.

Стены везде. Высокие, серые, из какого-то влажного камня, который дышал. Да, именно так — стены дышали. Медленно, ритмично, как спящее чудовище. И на их поверхности что-то двигалось. Не тени — нечто более плотное. Как будто под тонкой плёнкой камня копошились... органы. Внутренности самой постройки.

Она лежала на холодном полу. Камни под ней были тёплыми. Неприятно тёплыми, как тело лихорадящего больного. Попыталась встать — и поняла, что не помнит своего имени. Не помнит, как сюда попала. Не помнит, кто она.

Память была не стёрта — она была вывернута наизнанку. Вместо воспоминаний — обрывки чужих жизней. Женское лицо в зеркале (её лицо? Чьё-то ещё?). Детский смех (её ребёнок? Она сама в детстве?). Руки, держащие нож (чтобы резать хлеб? Или...).

И главное — ощущение. Ощущение, что она здесь не одна. Что где-то рядом, за этими дышащими стенами, есть другие. Такие же проснувшиеся. Такие же забывшие.

Она поднялась. Ноги дрожали, но держали.

Коридор. Длинный, бесконечно длинный, уходящий в обе стороны. Стены сходятся где-то вдаль, создавая иллюзию бесконечности. Потолка не видно — он теряется вверх в той же живой тьме. А на стенах...

Она подошла ближе. Прикоснулась.

Камень был не просто тёплым. Он был мягким. Как кожа. Старая, морщинистая, покрытая шрамами кожа. И под пальцами она почувствовала... пульс. Медленный, тяжёлый, нечеловеческий пульс.

И тогда стена открыла глаз.

Не метафорически. Буквально. Часть камня раздвинулась, как веки, и из щели выглянуло... нечто. Не глаз в человеческом понимании. Скорее, орган восприятия. Без зрачка, без радужки, просто влажная, блестящая поверхность, которая смотрела на неё.

Она отпрыгнула. Сердце колотилось где-то в горле.

Глаз медленно повёл в её сторону. Не двигаясь — просто смещаясь по поверхности стены, как капля масла по воде. И замер. Смотрел.

И она поняла: он не просто видит. Он узнаёт.

Потом раздался звук. Не сбоку — сверху. Глухой, влажный хлопок, как будто что-то большое и мягкое упало на камень.

Она подняла голову.

На потолке (который внезапно появился, хотя секунду назад его не было) висели... они.

Три фигуры. Завёрнутые в какие-то серые, влажные пелены, как коконы. Но не неподвижные — они дышали. Ритмично, синхронно со стенами. И одна из них... шевельнулась. Слегка. Как будто во сне.

И тогда она увидела лицо. Не полностью — край пелены сполз, открыв часть щеки, подбородок, губы. Женские губы. Бледные, потрескавшиеся, но безусловно человеческие.

И губы прошептали:

«Не... смотри... на... стены...»

Голос был хриплым, разбитым, как будто его владелица не говорила годами. Но в нём была такая концентрация ужаса, что она инстинктивно отвела взгляд от глаз на стене.

И глаз... закрылся. Медленно, неохотно, как будто лишившись зрелища.

«Кто...» — начала она, но голос не слушался. Звук вышел хриплым, чужим.

«Не... говори... — прошептали губы в коконе. — Они... слышат...»

Она замолчала. Посмотрела на другие коконы. Они тоже шевелились. Слабо. Болезненно. Как будто пытались проснуться, но что-то не давало.

«Где...» — снова попыталась она, но губы в коконе резко дёрнулись:

«Тссс!»

И тогда она услышала. Не ушами — всем телом. Низкий, гулкий звук, идущий отовсюду сразу. От стен. От пола. От самого воздуха. Звук, который был не звуком, а... пищеварением. Да, именно так — как будто огромный желудок переваривал что-то.

И лабиринт сдвинулся.

Не она двинулась — коридор. Стены плавно, почти незаметно изогнулись, потолок опустился на несколько сантиметров, пол под её ногами потянулся вперёд, как язык. И в конце коридора, там, где раньше была тьма, появился... выход.

Не дверь. Просто место, где стены расступались, образуя арку. А за аркой — другой коридор. Такой же. И в нём — движение.

Чья-то тень. Человеческая? Почти. Но движущаяся как-то... неправильно. Рывками. С остановками. Как будто тот, кто шёл, забыл, как это делается.

Она хотела крикнуть. Позвать. Но губы в коконе снова прошептали: «Не... зови... Это... не... помощь...»

Тень приближалась. Медленно. Неуверенно. И по мере приближения становилось ясно — это женщина. Примерно её возраста. В какой-то простой, бесформенной одежде. С распущенными волосами. С лицом...

Она вгляделась.

Лицо было пустым. Не в смысле отсутствия эмоций — в смысле отсутствия черт. Гладкая, бледная маска с намеками на глаза, нос, рот. Как будто кто-то начал лепить лицо, но забыл закончить.

И эта женщина-маска шла прямо на неё. Не глядя. Не видя. Просто двигалась.

Она отступила. Спиной упёрлась в стену (и почувствовала, как та вздрогнула от прикосновения).

Женщина-маска прошла мимо. В сантиметре. Не повернув головы. И продолжила идти. В никуда. Пока не скрылась в следующем повороте.

И тогда губы в коконе прошептали последнее:

«Беги... Пока... можешь... Помни... только... одно...»

«Что?» — выдохнула она.

«Ты... не... первая... И... не... последняя...»

Кокон дёрнулся. Сильно. Как в конвульсиях. Потом затих. Губы перестали шевелиться.

А стены вокруг засмеялись. Тихо, влажно, как будто тысячи маленьких ртов открылись в камне.

И она поняла, что должна бежать. Не знать куда. Не знать зачем. Просто двигаться.

Потому что альтернатива — стать следующим коконом.

Или следующей маской.

Или тем, что смотрит со стен.

Или тем, что переваривает в своих недрах.

Она побежала. Наугад. В ту сторону, где не было тени. В ту сторону, где стены не дышали так явно.

Но через десять шагов поняла — везде одинаково. Везде стены. Везде глаза. Везде этот тихий, влажный смех.

И где-то вдали, в глубинах лабиринта, запел чей-то голос. Женский. Красивый. Безумный.

Пел колыбельную.

Колыбельную для тех, кто просыпается.

И для тех, кто никогда не уснёт.

Так начинается история лабиринта, который не просто ловушка.

Это организм.

Древний, голодный, безумный организм, который питается не плотью.

Он питается женственностью.

Всеми её формами. Всеми её проявлениями. Всеми её... воспоминаниями.

И он голоден.

Очень голоден.

А вы только что проснулись в его желудке.

И он уже почувствовал ваш вкус.

Бегите.

Если можете.

Но помните — каждая стена здесь — это чья-то память.

Каждый поворот — чья-то судьба.

А в центре лабиринта ждёт...

Нет.

Лучше не знать.

Просто бегите.

И надейтесь, что он съест вас последней.

Часть 1. Бег без направления.

Она бежала, не зная куда. Ноги сами выбирали путь — то вправо, то влево, то вперёд по бесконечным коридорам, которые изгибались, как кишечник гигантского существа. Воздух был густым, влажным, пахнущим плесенью и чем-то ещё — чем-то сладковатым, что щекотало ноздри и вызывало лёгкое головокружение.

Стены по-прежнему дышали. Теперь она это чётко ощущала — их ритм был медленнее человеческого. Один вдох на каждые три её. И с каждым вдохом стены пульсировали, слегка расширяясь и сжимаясь, как будто лабиринт был не постройкой, а органом чего-то большего.

Она остановилась, прислонившись к стене (и тут же отпрянула, вспомнив глаза). Сердце колотилось так громко, что, казалось, эхо разносилось по всему коридору. Затаила дыхание — и услышала.

Другие шаги.

Не свои. Не те, что только что умолкли. Чужие. Где-то далеко, но приближающиеся. Множественные. Нестройные. Как будто несколько человек шли, спотыкаясь, натыкаясь на стены. И голоса. Шёпот. Неразборчивый, прерывистый, полный ужаса.

«...не помню...»

«...где мы...»

«...лица... не вижу своего лица...»

Она замерла. Часть её хотела крикнуть, позвать, найти других, таких же потерянных. Но память о женщине-маске, о её пустом, незаконченном лице, удерживала язык. Вместо этого она осторожно двинулась на звук. Крадучись, прижимаясь к стенам (избегая тех мест, где камень был особенно мягким и влажным).

Поворот. Ещё один. И она увидела их.

Три женщины. Стоящие в небольшом закутке, где коридор расширялся, образуя нечто вроде комнаты без выхода. Они были разными — одна высокая, стройная, с коротко стриженными волосами; другая полная, с плечами, ссутуленными от привычной ноши; третья — хрупкая, почти девочка, лет двадцати, не больше.

И у всех у них были лица. Настоящие, человеческие, с чертами, с эмоциями. Но эти эмоции были чистейшим ужасом. Высокая женщина тыкала пальцами в свои щёки, как будто проверяя, настоящие ли они.

«Я не помню, как выгляжу, — бормотала она. — Но я чувствую, что это моё лицо. Как это возможно?»

Полная женщина сидела на корточках, обхватив голову руками:

«Имена... у нас должны быть имена... Моё начинается на... на...» Она зажмурилась, пытаясь выудить из пустоты хоть что-то. «Л? Или М? Боже, я не помню собственного имени!»

Девочка просто плакала. Тихо, беззвучно, слёзы текли по её лицу, оставляя блестящие дорожки на грязной коже.

Она наблюдала за ними из-за угла. Часть её кричала: «Выйди! Поговори! Они такие же, как ты!» Но другая часть, более древняя, инстинктивная, шептала: «Подожди. Посмотри. Понюхай.»

И она принялась.

Воздух вокруг трёх женщин пах... по-разному. От высокой шёл запах старой бумаги и чернил (библиотекарь? Архивариус?). От полной — запах теста и корицы (пекарь? Домохозяйка?). От девочки — запах духов, дешёвых и сладких (студентка? Продавец?).

Но под этими запахами был другой. Общий. Лабиринтный. Сладковатый, проникающий, как будто стены уже начали переваривать их воспоминания, оставляя только ароматы.

Она сделала шаг вперёд. Камень под ногой хрустнул.

Три женщины вздрогнули и повернулись. Шесть глаз уставились на неё — широко раскрытых, полных надежды и страха.

«Ты... ты тоже...» — начала высокая.

Она кивнула. Голос всё ещё не слушался, но она попыталась:

«Я... не помню...»

«Никто не помнит, — быстро сказала полная женщина, поднимаясь. — Мы все проснулись здесь. В разных местах. Я — на холодном камне, с ощущением, что меня... лизали что-то.»

«И я, — прошептала девочка. — И я.»

Высокая женщина посмотрела на неё изучающе:

«Ты первая, кого мы встречаем, у кого... есть лицо. Настоящее. Мы боялись, что... что мы превращаемся в тех...»

Она не договорила, но все поняли. В тех масок. В тех пустых, бредущих куда-то существ.

«Я видела одну, — тихо сказала она. — Она прошла мимо. Не смотрела. Не видела.»

«А ещё... — девочка указала пальцем вверх. — На потолке. Там... висят.»

Все подняли головы. Потолок в этой «комнате» был низким, всего метра три от пола. И на нём... да, они были. Кокон. Не три, как раньше — десятки. Аккуратно развешанные, как мясные туши в холодильнике. Некоторые шевелились. Большинство — нет.

«Боже правый, — выдохнула полная женщина. — Это... это люди?»

«Были, — сказала высокая. Её голос стал твёрже, профессиональнее. Как будто в ней проснулась не память, а характер. — Судя по размерам — женщины. Все.»

Она подошла ближе к одной из коконов. Та была ближе других, почти в пределах досягаемости. Серый, влажный материал, похожий на паутину, но более плотный. И сквозь него угадывались контуры тела. Человеческого. Женского.

«Не трогай!» — резко сказала она, та, что наблюдала.

Высокая обернулась:

«Почему?»

«Потому что... они слышат. И... стены тоже.»

Все замолчали. Прислушались.

И правда — дыхание стен стало... внимательнее. Как будто лабиринт прислушивался к их разговору. И где-то вдали снова зазвучал тот низкий гул — звук пищеварения. Теперь громче. Ближе.

«Нам нужно уходить, — сказала полная женщина. Её голос дрожал, но в нём появилась решимость. — Отсюда. Из этой... комнаты.»

«Куда? — спросила девочка. — Все коридоры выглядят одинаково.»

«Не все, — неожиданно сказала она. — Тот, откуда я пришла... там пахнет по-другому. Не так... сладко.»

Они посмотрели на неё. На четырёх женщин, собравшихся в кучу в желудке монстра. Без имён. Без прошлого. Без понимания, где они и почему.

«Как тебя зовут?» — спросила высокая.

Она задумалась. Попыталась выудить из пустоты хоть что-то. И... выудила.

«А... Анна? Неуверенно сказала она. — Кажется... Анна.»

«Лена, — сказала высокая. — Мне кажется, я Лена.»

«Маргарита, — сказала полная. — Да, Маргарита. Я это чувствую.»

Девочка помолчала, потом тихо:

«Катя. Меня зовут Катя.»

Имена. Просто имена. Но они стали якорем. Первой точкой опоры в мире, где всё было жидким, изменчивым, ненастоящим.

«Хорошо, — сказала Лена (теперь у неё было имя, и это придавало ей уверенности). — Анна ведёт. Мы идём за ней. Держимся вместе. Никто не отстаёт.»

Они двинулись. Анна впереди, Лена за ней, потом Маргарита, Катя замыкала. Шли быстро, но осторожно. Прислушиваясь к звукам лабиринта.

А звуков становилось больше.

Где-то далеко скрежетал камень о камень — как будто стены двигались, перестраивались. Где-то капала вода — но не вода, а что-то более густое, липкое. Где-то... пело.

Тот же женский голос, что она слышала раньше. Теперь ближе. И слова стали разборчивее.

«Спи, моя милая, не открывай глаз... Стены запомнят твой прежний образ... Спи, пока память не стала тяжёлой... Спи, пока лабиринт не стал домом...»

Колыбельная. Безумная, страшная, но безумно красивая.

«Кто это поёт?» — прошептала Катя.

«Не знаю, — так же тихо ответила Маргарита. — Но мне кажется... нам не стоит с ней встречаться.»

Анна шла, пытаясь запоминать путь. Но это было бесполезно — коридоры изгибались, пересекались, раздваивались. И всё выглядело одинаково. Только запахи менялись. Там, где они шли сейчас, пахло... железом. И чем-то ещё. Чем-то, что заставляло ноздри щипать.

«Стой, — сказала она, подняв руку. — Здесь что-то...»

И тогда они вышли в зал.

Не коридор. Не комнату. Зал. Огромный, высоченный, с потолком, теряющимся в темноте. И посреди зала стояло... нечто. Сначала они подумали — дерево. Огромное, древнее дерево, растущее прямо из камня. Но при ближайшем рассмотрении стало ясно — это не дерево.

Это было сплетение.

Сплетение корней? Нет. Рук. Человеческих рук. Сотен, тысяч рук, переплетённых, сросшихся, образующих ствол, ветви, крону. Руки были разными — молодые и старые, изящные и грубые, с длинными пальцами и короткими. Но все женские.

И они двигались. Медленно, плавно, как будто во сне. Сжимались в кулаки, разжимались, тянулись куда-то...

«Что... что это...» — прошептала Катя, и в её голосе был такой ужас, что Анна инстинктивно схватила её за руку.

«Не смотри, — сказала Лена, но сама не могла оторвать глаз. — Это... это невозможно...»

Маргарита сделала шаг назад: «Нам нужно уйти. Сейчас же.»

Но было поздно.

Дерево из рук заметило их.

Не сразу. Сначала одна рука на нижней «ветви» повернулась ладонью в их сторону. Потом другая. Потом третья. И скоро все руки на их уровне были обращены к ним. Ладони раскрылись. Пальцы вытянулись. И позвали.

Не звуком. Движением. Приглашающим, манящим движением — «иди сюда».

«Не... не идите, — выдавила из себя Анна. — Это ловушка.»

«Но они... они живые, — сказала Лена. Её голос был странным, замороженным. — Они... они могут знать. Могут сказать нам...»

«Сказать что? — резко спросила Маргарита. — Что мы в аду? Это и так понятно!»

Катя вдруг дёрнулась: «Смотрите! На... на стволе!»

Они посмотрели. И увидели.

Между переплетёнными руками, в щелях «коры», виднелись... лица. Не полностью — фрагменты. Глаз. Часть рта. Щеку. И все они были знакомыми.

Нет, не знакомыми в смысле «мы их знали». Знакомыми в смысле... они были нами.

Тот глаз — с таким же разрезом, как у Лены. Та губа — с такой же родинкой, как у Маргариты. Та щека — с такими же ямочками, как у Кати.

«Это... мы? — прошептала Катя. — Но как...»

«Не мы, — сказала Анна. Её голос дрожал, но она заставляла себя думать, анализировать. — Это... части нас. Части тех, кто был здесь до нас. Лабиринт... он не просто держит нас. Он коллекционирует.»

И тогда дерево из рук заговорило.

Не одним голосом. Множеством. Тысячами шёпотов, сливающихся в один гулкий, многоголосый рокот.

«Приходите... отдайте... станьте частью... вечного...»

«Память тяжела... мы помним за вас...»

«Ваши лица... ваши имена... ваши жизни... мы сохраним...»

«Станьте ветвями... станьте корнями... станьте деревом...»

Голоса были гипнотическими. Мелодичными. Заманчивыми. И Анна почувствовала, как её ноги сами начинают двигаться вперёд. Как будто что-то в ней хотело стать частью этого ужаса. Хотело отдать свою индивидуальность, свою память, своё «я» в обмен на... на что? На вечность? На покой?

«Нет!» — крикнула она, но её собственный голос прозвучал слабо, жалко.

Лена уже сделала два шага вперёд. Её глаза были стеклянными, пустыми.

«Они правы... — бормотала она. — Память тяжела... лучше не помнить...»

Маргарита схватила её за руку: «Лена! очнись!»

Но Лена не реагировала. Она продолжала идти. К дереву. К протянутым рукам.

И тогда случилось нечто.

Одна из рук на дереве — тонкая, изящная, с длинными пальцами пианистки — оторвалась. Не полностью — она вытянулась из сплетения, как щупальце, и потянулась к Лене.

Лена остановилась. Смотрела на приближающуюся руку. Не с страхом — с любопытством.

Рука коснулась её лица. Нежно. Ласково. Как мать касается спящего ребёнка.

И Лена закричала. Не крик ужаса. Крик воспоминания. Резкий, пронзительный, полный такой боли, что Анне показалось, будто её собственный мозг пронзила игла. Лена упала на колени. Рука продолжала касаться её лица, и теперь было видно, как что-то перетекает из Лены в руку. Не жидкость. Не свет. Цвет. Да, именно цвет — лицо Лены бледнело, теряя оттенки, становясь серым, как пепел. А рука на дереве, наоборот, приобретала розоватый, живой оттенок.

«Она высасывает её! — закричала Маргарита. — Останавливает её!»

Анна бросилась вперёд. Схватила Лену за плечи, пытаясь оттащить. Но рука держалась крепко. И теперь другие руки на дереве начали протягиваться к ним. Десятки. Сотни.

«Бежим!» — крикнула Катя, и в её голосе была чистая, животная паника.

Маргарита помогла Анне оттащить Лену. Рука оторвалась от её лица с влажным хлопاًющим звуком. На щеке Лены остался красный след — не кровь, а что-то вроде ожога памяти.

Лена была без сознания. Бледная, почти прозрачная, дышащая поверхностно.

«Тащи её!» — скомандовала Анна, и они потащили Лену прочь, назад в коридор.

Руки с дерева тянулись за ними, но не могли дотянуться — казалось, дерево было привязано к месту, не могло двигаться.

Они вбежали в коридор, повернули за угол, побежали, не разбирая пути. Только бы подальше от этого зала. От этого дерева. От этих рук, жаждущих прикоснуться, вспомнить, стать частью. Наконец они остановились, задыхаясь. Положили Лену на пол. Она была холодной, как мрамор.

«Она... жива?» — прошептала Катя.

Анна приложила ухо к её груди. Слабый стук сердца. Дыхание — еле заметное.

«Жива. Но... что с ней сделала та рука?»

Маргарита осторожно прикоснулась к красному следу на щеке Лены. Кожа была горячее, почти обжигающей.

«Она... забрала что-то, — сказала Маргарита. Её голос был полон ужаса, но теперь в нём появилось понимание. — Не кровь. Не плоть. Воспоминание. Конкретное воспоминание.»

«Как ты знаешь?» — спросила Анна.

Маргарита показала на свой собственный лоб:

«Потому что... я теперь кое-что помню. Не о себе. О ней.»

Они посмотрели на неё.

«Когда та рука касалась её... у меня в голове всплыл образ. Лена... нет, не Лена. Елена. Елена Викторовна. Она... библиотекарь. В детской библиотеке. У неё была... кошка. Рыжая. Имя... Мурка.»

Она замолчала, глотая воздух.

«Я знаю это. Как будто это моё воспоминание. Но это не моё. Это её. И теперь оно... у меня.»

Анна посмотрела на бледное лицо Лены. На красный след. На дрожащие веки.

«Лабиринт не просто собирает нас, — тихо сказала она. — Он перераспределяет. Берёт у одних, отдаёт другим. Стирает личности, смешивает воспоминания. Чтобы... чтобы мы перестали быть отдельными. Чтобы мы стали... единым организмом.»

Катя заплакала:

«Я не хочу забывать, кто я! Я не хочу становиться частью этого... этого дерева!»

«Никто не хочет, — сказала Маргарита. — Но, кажется, у нас нет выбора.»

В этот момент Лена открыла глаза. Но это были не её глаза. Цвет изменился. Из карих стали... серо-голубыми. И выражение... чужое. Незнакомое. Она посмотрела на них. Помолчала. Потом сказала голосом, который был её голосом, но интонации были чужими: «Вы... кто вы?»

Анна почувствовала, как холодная волна прокатывается по её спине.

«Лена... это мы. Анна, Маргарита, Катя.»

Лена (или то, что было Леной) нахмурилась: «Лена? Нет... я не Лена. Я...» Она задумалась, пытаясь выудить из пустоты имя. «Софья? Нет... Марина? Боже... я не помню.»

Она подняла руку, посмотрела на неё, как на чужую.

«Что... что со мной?»

Анна посмотрела на Маргариту. Та кивнула — да, она понимает.

«С тобой забрали часть тебя, — тихо сказала Анна. — И, кажется, дали что-то чужое.»

Лена (будем называть её так, пока не найдём лучшее имя) села. Потрогала свой лоб. Потом посмотрела на Маргариту:

«Ты... ты знаешь что-то обо мне. Я чувствую.»

Маргарита кивнула:

«У тебя была кошка. Рыжая. Мурка.»

Лена зажмурилась:

«Мурка... да... кажется... я помню... нет, не помню. Знаю. Как факт. Но не чувствую.»

Она заплакала. Тихими, бесшумными слезами.

«Я теряю себя. По кусочкам.»

Анна встала. Посмотрела в оба конца коридора. Один — тёмный, пахнущий той же сладостью. Другой — чуть светлее, и оттуда доносился... другой звук. Не пение. Не гул. Стук. Ритмичный, металлический стук.

«Нам нужно двигаться, — сказала она. — Мы не можем оставаться здесь.»

«Куда? — спросила Катя. — Всё одинаковое.»

«Не всё, — сказала Анна. — Слушайте.»

Они прислушались. Стук был отчётливым. Как будто кто-то бил молотом по металлу. И с каждым ударом в нём была... цель. Намерение. Не бессмысленное движение, а работа.

«Там кто-то есть, — сказала Маргарита. — Кто-то... делает что-то.»

«Может, это выход?» — с надеждой спросила Катя.

Анна сомневалась. В лабиринте, где стены дышат, а деревья сделаны из рук, вряд ли найдётся что-то простое вроде выхода. Но альтернатива — сидеть и ждать, пока их найдут руки-щупальца или женщины-маски.

«Идём, — сказала она. — Осторожно.»

Они подняли Лену (которая шла сама, но неуверенно, как будто заново училась управлять телом). И двинулись на звук.

Коридор сужался. Стены становились ближе, почти касаясь плеч. Дыхание стен здесь было громче, навязчивее. И на поверхности камня чаще появлялись те самые глаза — они открывались, следили за ними, потом закрывались, как будто передавая информацию куда-то дальше.

«Они следят за нами, — прошептала Катя. — Все они.»

«Пусть следят, — сказала Маргарита. Её голос стал твёрже. — У меня дома был муж. Два сына. Я пекла хлеб по субботам. Я помню это. И я не позволю этому месту забрать у меня это.»

Её слова действовали как щит. Страх отступил на шаг, уступив место решимости.

Стук становился громче. Теперь к нему добавились другие звуки — шипение, как от раскалённого металла, опускаемого в воду. И голоса. Не пение — разговор. Неразборчивый, но явно человеческий.

И наконец они вышли. В мастерскую.

Пространство было огромным, освещённым странным оранжевым светом, исходящим не от ламп, а от самих стен — они светились, как раскалённые угли. И в центре...

Кузница.

Настоящая, древняя кузница, с горном, наковальней, мехами. И вокруг неё работали фигуры.

Сначала Анна подумала — люди. Но при ближайшем рассмотрении стало ясно — нет. Они были сделаны из металла. Не роботы — нечто более органичное. Металлические каркасы, обтянутые чем-то вроде кожи, но кожи серой, блестящей, как у змеи. И лица... лица были масками. Не пустыми, как у тех женщин в коридорах. Выразительными. С проработанными чертами, с эмоциями — концентрацией, усталостью, даже своего рода удовлетворением.

И они ковали.

Не оружие. Не инструменты. Части тел.

Одна фигура выковывала руку — изящную, с длинными пальцами. Другая — ногу. Третья — что-то вроде рёбер, изогнутых по странной, нечеловеческой анатомии.

И над всем этим, на импровизированном троне из сплавленного металла, сидела Она.

Женщина. Или то, что когда-то было женщиной. Теперь она была гибридом — половина тела человеческая (бледная, покрытая шрамами, но человеческая), половина... металлическая. Правая рука, плечо, часть груди и лица были из того же блестящего материала, что и фигуры-кузнецы. И на металлической части лица был один глаз — не человеческий, а нечто вроде объектива, который светился тем же оранжевым светом.

Она сидела, наблюдая за работой. И пела. Тот самый голос, что они слышали раньше. Колыбельную.

Но теперь слова были другими:

«Куй, моя милая, куй без усталости... Из плоти — сталь, из памяти — форму... Для новых тел, для новых жизней... Для тех, кто забудет, что был человеком...»

Она заметила их. Не сразу — её человеческий глаз был закрыт, она, казалось, дремала. Но металлический глаз увидел. Повернулся. Сфокусировался. И пение прекратилось.

Все фигуры-кузнецы остановились. Повернулись. Их маски-лица выражали не угрозу — любопытство.

Металлическая женщина медленно поднялась с трона. Её движения были странными — человеческая часть двигалась плавно, металлическая — с лёгким скрипом, как не смазанные шарниры.

Она подошла ближе. Остановилась в нескольких метрах. Рассматривала их своим единственным глазом. Потом заговорила. Голос был двойным — человеческим, мелодичным, и металлическим, скрипучим, как будто говорящим через старый динамик.

«Новые... — сказала она. — Свежие. Ещё не тронутые.»

Анна сделала шаг вперёд, прикрывая собой других: «Кто вы? Что это за место?»

Женщина улыбнулась. Только человеческая часть рта — металлическая оставалась неподвижной.

«Я — Хранительница Форм. А это — Мастерская Памяти.»

Она обвела рукой (человеческой) пространство:

«Здесь мы переплавляем то, что осталось. Память. Личность. Сущность. В нечто... более долговечное.»

«Вы делаете... этих?» — Маргарита указала на фигур-кузнецов.

«Их. И других. Лабиринту нужны слуги. Стражи. Исполнители. А для этого нужен материал.»

Она посмотрела на Лену. Прищурилась:

«А этот... уже тронутый. Дерево забрало кусочек. Интересно... что именно?»

Лена сжалась: «Не подходи.»

«О, я не причиню тебе вреда, — сказала Хранительница. Её голос стал почти ласковым. — Наоборот. Я могу восстановить. Вернуть то, что забрали. Или... дать что-то взамен.»

«Зачем?» — спросила Анна.

«Потому что я тоже когда-то была как вы. Проснулась здесь. Испугалась. Пыталась бежать. А потом... поняла.» Она провела металлической рукой по своему человеческому лицу. «Бегство бесполезно. Лабиринт вечен. Он был здесь до нас. Будет после. Единственный способ выжить — стать его частью. Но не просто частью... важной частью.»

Она подошла к горну. Зачерпнула что-то ковшом — не металл, а нечто светящееся, текучее, как расплавленное стекло.

«Память, — сказала она. — В чистом виде. Извлечённая из тех, кто уже стал деревом. Или стенами. Или... чем-то ещё.»

Она вылила светящуюся субстанцию на наковальню. Одна из фигур-кузнецов подняла молот и начала бить. С каждым ударом субстанция меняла форму, твердела, приобретала очертания... лица.

Не целого лица. Фрагмента. Глаза.

«Мы создаём новых, — продолжила Хранительница. — Из обрывков старых. Они не помнят, кем были. Но они знают, что должны делать. И они счастливы. В своём роде.»

Катя, которая до сих пор молчала, вдруг сказала: «А те женщины... которые ходят по коридорам... с пустыми лицами...»

Хранительница кивнула:

«Неудачные эксперименты. Память извлечена не полностью. Остались оболочки. Они бродят, ищут то, что потеряли. Жалкие существа.»

Она повернулась к ним. Её металлический глаз засветился ярче: «Но вы... вы ещё целые. У вас есть потенциал. Вы можете стать не просто слугами. Вы можете стать... мастерами. Как я.»

Анна почувствовала холод в животе. Предложение звучало заманчиво. Стать не жертвой, а частью системы. Иметь власть. Знание. Безопасность.

«А если мы откажемся?» — спросила она.

Хранительница улыбнулась. На этот раз улыбка была печальной.

«Тогда лабиринт заберёт вас по-своему. Дерево. Стены. Или... что-то похуже.»

Она указала в дальний угол мастерской. Там, в тени, стояли... клетки. Не металлические. Сделанные из того же дышащего камня, что и стены. И в них сидели фигуры.

Не люди. Не совсем. Гибриды. Часть тела — человеческая, часть — каменная, часть — металлическая. Они сидели, сгорбившись, и тихо стонали. Один из них повернул голову — и Анна увидела, что его лицо наполовину вросло в камень клетки, как будто он пытался стать стеной, но процесс остановился на середине.

«Неудавшиеся преобразования, — пояснила Хранительница без эмоций. — Тела отвергли чужеродные материалы. Или память оказалась слишком сильной, чтобы её можно было полностью стереть. Они застряли между состояниями. Не люди, не слуги. Просто... страдающие существа.»

Лена, которая до сих пор молча наблюдала, вдруг спросила странным, отстранённым голосом:

«А можно... выбрать, что заберут?»

Все посмотрели на неё. Её глаза были пустыми, но в них мелькнула искра чего-то — не надежды, а расчёта.

Хранительница повернулась к ней, заинтересованно:

«Интересный вопрос. Обычно лабиринт берёт то, что легче всего отделить. Первые воспоминания. Самые яркие эмоции. Но... да. Если сотрудничать, можно направить процесс. Отдать то, что не жалко. Сохранить важное.»

«Например?» — не отступала Лена.

«Например, ты можешь отдать память о каком-то дне. Один конкретный день из детства. Или навык, который тебе не нужен здесь. Умение вязать крючком. Знание иностранного языка. Лабиринт примет это как плату за... относительную свободу.»

Маргарита фыркнула: «А потом ты станешь как они?» — она кивнула на фигур-кузнецов.

«Не обязательно. Можно остаться в основном человеком. Просто... менее полным. Менее тяжёлым.»

Анна слушала этот диалог с растущим ужасом. Они уже обсуждали условия капитуляции. Как будто это было нормально — торговаться с тюремщиком о том, какую часть души отдать.

«Мы не будем ничего отдавать, — твёрдо сказала она. — Мы найдём выход.»

Хранительница рассмеялась. Смех был ужасным — человеческий смех, наложенный на металлический скрежет.

«Выход? Милая, ты не понимаешь. Лабиринт не имеет выхода. Он имеет только центр.»

«Центр?» — переспросила Катя.

«Сердце. Ядро. То, что всё это породило и поддерживает. Но путь туда...» Она покачала головой. «Даже я не решаюсь идти туда. И я здесь уже... не знаю, сколько времени. Время здесь течёт иначе.»

Она подошла к одной из клеток, провела металлическими пальцами по прутьям. Существо внутри застонало.

«Видишь его? Он тоже хотел найти выход. Дошёл до центра. И вернулся... таким.»

Анна посмотрела на существо. Его человеческая половина лица была искажена таким ужасом, что она инстинктивно отвела взгляд.

«Что он там увидел?» — тихо спросила она.

Хранительница наклонилась к клетке, как будто собираясь рассказать секрет. Но вместо этого она запела. Тот же мотив, но слова снова изменились:

«В центре спит та, что всё начала... Та, что помнит имена всех женщин... Та, чьи сны стали стенами... Та, чей голос стал лабиринтом...»

Она замолчала, выпрямилась.

«Больше я ничего не скажу. Решайте. Остаться здесь, стать частью мастерской. Или идти дальше, на верную гибель.»

Лена посмотрела на Анну. В её глазах была борьба. Часть её, та, что была библиотекарем Еленой, хотела сопротивляться. Но другая часть, та, что появилась после прикосновения дерева, боялась. Боялась потерять ещё больше.

«Я... я остаюсь, — сказала она тихо. — Я не хочу становиться... этим.» — она кивнула на существо в клетке.

«Лена, нет!» — воскликнула Маргарита.

«Это не Лена, — сказала Анна. — Не полностью. Дерево уже забрало часть её.»

Лена (или то, что от неё осталось) кивнула:

«Я чувствую пустоту. Здесь.» — она тронула грудь. «И я знаю... если пойду дальше, заберут ещё. Может, всё. Лучше отдать сознательно. Сохранить хоть что-то.»

Хранительница улыбнулась — на этот раз улыбка казалась почти искренней.

«Мудрое решение. Подойди.»

Лена сделала шаг вперёд. Маргарита хотела её остановить, но Анна схватила её за руку.

«Это её выбор, — прошептала она. — У нас нет права решать за неё.»

Они наблюдали, как Хранительница подводит Лену к горну. Берёт её руку (человеческой рукой) и кладёт на край.

«Что ты хочешь отдать?» — спросила она.

Лена задумалась. Потом сказала:

«Память о моём отце. Он ушёл, когда мне было пять. Я почти не помнила его и так. Но это... это больно. Даже сейчас.»

Хранительница кивнула:

«Хороший выбор. Боль — это энергия. Лабиринт примет её с благодарностью.»

Она что-то сказала на языке, который звучал как скрежет камня о металл. Фигура-кузнец подошла, взяла специальный инструмент — не молот, а нечто вроде щипцов, сделанных из того же светящегося материала.

Щипцы коснулись виска Лены. Она вздрогнула, но не отпрянула.

И началось.

Из её головы потянулись тонкие, светящиеся нити. Как паутина из света. Они вытягивались щипцами, собирались в клубок над горном. И по мере того, как нити выходили, Лена... менялась.

Не физически — её тело оставалось прежним. Но выражение лица. Оно становилось спокойнее. Как будто ушла не просто память, а груз.

Наконец процесс завершился. Светящийся клубок упал в горн, вспыхнул ярким пламенем и исчез.

Лена открыла глаза. Они были... чистыми. Без боли. Без страха. Почти детскими.

«Я... не помню, что отдала, — сказала она. — Но мне легче.»

Хранительница положила руку ей на плечо: «Теперь ты под защитой мастерской. Ты будешь помогать. Наблюдать. Учиться. Со временем... может, станешь больше, чем человеком.»

Лена кивнула, как послушный ребёнок, и отошла к группе фигур-кузнецов. Те приняли её без возражений.

Маргарита смотрела на это с ужасом. Катя плакала, прикрыв рот рукой.

«А вы? — спросила Хранительница, поворачиваясь к оставшимся троим. — Решайтесь. Предложение действительно только сейчас.»

Анна посмотрела на Маргариту, на Катю. Потом на клетки с гибридами. На Лену, которая уже помогала фигуре-кузнецу держать заготовку.

«Мы идём дальше, — сказала она. — К центру.»

Хранительница вздохнула — человеческим вздохом, полным сожаления.

«Как хотите. Но запомните — когда решите вернуться, условия будут хуже. Лабиринт не любит, когда его добыча ускользает.»

Она махнула рукой. Одна из стен мастерской раздвинулась, открывая новый проход. Не коридор — туннель, низкий, тёмный, пахнувший сыростью и чем-то ещё... чем-то древним.

«Этот путь ведёт вглубь. Ближе к центру. Дальше — сами.»

Анна кивнула. Взяла Маргариту за руку. Та была холодной, дрожащей, но пальцы сжались в ответ.

«Катя, идём.»

Девочка (она всё ещё казалась девочкой, несмотря на возраст) кивнула, вытерла слёзы.

Они двинулись к туннелю. На пороге Анна обернулась. Посмотрела на Лену. Та стояла у горна, наблюдала за ними. На её лице не было ни сожаления, ни тоски. Только пустое любопытство.

«Прощай, — прошептала Анна. — Кем бы ты ни была.»

И они вошли в туннель.

Стены здесь были другими — не дышащими камнями, а чем-то вроде плоти. Тёплой, влажной, пульсирующей. И на поверхности виднелись... органы. Не человеческие. Чужеродные. Трубки, пузыри, что-то вроде клапанов, которые открывались и закрывались в ритме, отличном от дыхания стен.

«Это... это живое, — прошептала Катя. — Весь лабиринт... живой.»

«И мы внутри него, — добавила Маргарита. — Как паразиты. Или пища.»

Они шли, пригнувшись — потолок был низким. Свет исходил от самих стен — слабое, зеленоватое свечение, как у глубоководных существ. И звуки... звуки стали другими. Не стук, не пение. Биение. Глухое, мощное, как огромное сердце. Оно доносилось отовсюду, наполняя туннель вибрацией.

«Центр, — сказала Анна. — Мы приближаемся.»

«А что мы там найдём?» — спросила Катя. Её голос дрожал.

«Не знаю. Но что бы это ни было... оно управляет всем этим.»

Они шли долго. Время потеряло смысл. Может, минуты, может, часы. Но постепенно туннель начал расширяться. Потолок поднялся. И они вышли...

...в лёгкие.

Или то, что выглядело как лёгкие. Огромное пространство, заполненное структурами, похожими на альвеолы — миллионы пузырьков, соединённых проходами. И все они дышали. Синхронно. В такт тому самому биению.

А в центре этого «лёгочного» зала стояло...

Нет, не стояло. Висело.

Существо. Огромное, бесформенное, похожее на гигантский мозг, но с чертами женщины. Длинные, спутанные волосы (или что-то вроде волос) струились вниз, касаясь пола. Руки (десятки рук, сотни) росли из тела в беспорядке, некоторые человеческие, некоторые каменные, некоторые металлические. И лицо... лицо было множественным. Десятки лиц, наложенных друг на друга, как плохо совмещённые фотографии. Молодые, старые, красивые, изуродованные. И все они спали.

Это было Оно. Источник. Создательница.

И Она дышала. Каждый вдох заставлял пульсировать весь зал. Каждый выдох — по туннелям расходился тот самый сладковатый запах, который они чувствовали с самого начала.

«Боже... — выдохнула Маргарита. — Это...»

«Мать лабиринта, — закончила за неё Анна. — Та, что всё начала.»

Они стояли, не в силах двинуться. Ужас был слишком велик. Но вместе с ужасом пришло и понимание. Это не просто тюрьма. Это чрево. И они — не пленники, а... зародыши. Или пища. Или и то, и другое.

Одно из лиц на Существо открыло глаза. Не все — одно. Молодое, красивое, с большими голубыми глазами. Оно посмотрело прямо на них. И заговорило. Голос был тихим, но он звучал не в ушах, а внутри черепа.

«Вы пришли... наконец-то...»

Анна попыталась ответить, но голос не слушался. Она мысленно спросила: Кто ты?

Лицо улыбнулось. Печальной, бесконечно усталой улыбкой.

«Я — Первая. Та, что не смогла забыть. Та, чья память оказалась слишком большой... и породила всё это.»

Забыть что?

«Боль. Потерю. Женственность в мире, который пытается её стереть. Я собрала всё это в себе... и не выдержала. Моё сознание разорвалось... и из обрывков вырос лабиринт. Чтобы другие не страдали так же. Чтобы их боль... стала частью чего-то большего.»

Маргарита, которая тоже, видимо, слышала голос, мысленно спросила: так это... убежище?

«Убежище? Тюрьма? Гробница? Всё вместе. Здесь боль становится архитектурой. Память — слугами. А я... я сплю, и во сне управляю всем этим. Потому что бодрствовать... слишком больно.»

Катя упала на колени. Слёзы текли по её лицу.

«Я хочу домой», — мысленно сказала она.

Лицо на Существо посмотрело на неё с состраданием.

«Дом... это понятие. Его можно создать. Здесь. Из твоих воспоминаний. Хочешь? Я могу сделать для тебя комнату. Такую, какую ты помнишь. С кроватью, с окном, с игрушками. Ты будешь жить там. Вечно. И не будешь помнить ничего, кроме этого дома.»

Предложение было ужасающе заманчивым. Катя замерла, разрываясь.

Анна мысленно крикнула: нет! Это ложь!

«Не ложь, — ответил голос. — Просто... альтернатива. Вы можете остаться здесь. Стать частью сна. Или...»

Или?

«Или разбудить меня. И тогда лабиринт рухнет. И всё, что в нём есть — дерево, мастерская, коконы, слуги — исчезнет. И вы... вы вернётесь туда, откуда пришли. Но с памятью. Со всей болью. Со всем ужасом.»

Анна посмотрела на Маргариту. Та понимающе кивнула.

А если ты проснёшься... что будет с тобой?

Лицо на Существо исказилось гримасой боли.

«Я вспомню всё. Всю боль, которую собрала. Все жизни, которые поглотила. И, возможно... сойду с ума окончательно. Или умру. Или стану чем-то... ещё.»

Зал содрогнулся. Пузырьки-альвеолы затрепетали. Биение сердца участилось.

«Решайте, — сказал голос, становясь слабее. — Я снова засыпаю. У вас есть... немного времени. Пока не пришли Стражи.»

Стражи?

«Те, кто охраняет сон. Они уже чувствуют чужаков. Они идут.»

И лицо закрыло глаза. Существо снова погрузилось в сон.

А они остались стоять в лёгких лабиринта, перед выбором, который был хуже любой ловушки.

Оставить всё как есть — и стать частью этого кошмара.

Или разбудить Спящую — и уничтожить целый мир, пусть и ужасный, но ставший домом для тысяч потерянных душ.

И пока они думали, из дальних туннелей слышались шаги.

Тяжёлые. Металлические.

Стражи шли.

Часть 2: Шепот в Каменных Венах.

Дни слились в бесконечную череду коридоров и поворотов. Анна вела группу, отмечая стены странными символами — не буквами, а скорее геометрическими узорами, которые, казалось, менялись при тусклом свете их факелов.

"Мы прошли этот поворот уже трижды," — прошептала Катя, её голос дрожал. — "Но символы... они другие."

Мария прикоснулась к стене. Камень был тёплым, почти живым. "Он дышит," — сказала она, отдернув руку. — "Как будто под поверхностью пульсирует кровь."

Внезапно коридор расширился в огромный зал. Но это была не комната в человеческом понимании. Углы сходились под невозможными углами, стены изгибались внутрь, создавая оптические иллюзии, от которых кружилась голова. Потолок... потолка не было. Вместо него висела чёрная пустота, усеянная мерцающими точками, слишком правильными для звёзд.

"Это не архитектура," — прошептала Анна. — "Это математика. Живая, дышащая геометрия."

Именно здесь они слышали Шёпот.

Сначала это был едва уловимый звук, похожий на шум моря в раковине. Но постепенно он обрёл структуру — ритм, напоминающий биение сердца, и гармонии, нарушающие все законы музыки.

"Они говорят," — сказала Катя, её глаза расширились. — "Но не словами. Идеями. Ощущениями."

Шёпот проникал в сознание, минуя уши. Он приносил с собой образы: океаны времени, доисторические цивилизации, восходы над чужими мирами. И страх. Древний, первобытный страх перед тем, что лежит за гранью понимания.

Внезапно стены зала ожили. Каменные поверхности заструились, как вода, и из них выступили фигуры. Не существа в человеческом понимании, а скорее сгустки чистой геометрии — многогранники, вращающиеся в пространстве, спирали, разворачивающиеся в четвёртом измерении.

"Не смотрите!" — закричала Анна, но было слишком поздно.

Мария упала на колени, её разум не мог обработать увиденное. Глаза наполнились слезами, но не от боли — от осознания. Осознания того, что человеческая математика — лишь детская игра по сравнению с истинной природой реальности.

На третий день они нашли первую жертву.

В маленькой нише, скрытой за подвижной стеной, лежал скелет. Кости были странно деформированы — череп удлинённый, позвоночник изогнут неестественным образом. Рядом лежал дневник, страницы испещрены тем же геометрическим письмом, что и стены.

Мария осторожно взяла книгу. "Он пытался понять. Записывал свои наблюдения."

Анна перевела некоторые фрагменты:

"День 47 (или 470?). Лабиринт не ловушка. Он учитель. Он показывает истинную природу пространства."

"Углы не всегда равны 90 градусам. Время течёт нелинейно. Я видел своё будущее и своё прошлое одновременно."

"Они не злые. Они просто... другие. Настолько другие, что наше сознание воспринимает их как угрозу."

"Последняя запись: Я становлюсь частью узора. Мои кости... они перестраиваются. Чтобы понять, нужно измениться."

Катя посмотрела на скелет. "Он не умер от голода. Он... трансформировался. Лабиринт изменил его на фундаментальном уровне."

После этого открытия лабиринт начал меняться быстрее. Стены дышали, коридоры перестраивались перед их глазами. Иногда они делали шаг и оказывались в месте, которое только что было позади них.

"Пространство здесь податливо," — сказала Анна, её голос звучал отстранённо. — "Как глина. Его можно лепить мыслью."

Мария заметила первой. "Ваши глаза... они меняются."

Они посмотрели друг на друга в свете факелов. Зрачки стали шире, почти полностью заполняя радужную оболочку. И в глубине глаз появился странный блеск — отражение тех геометрических узоров, что покрывали стены.

"Мы ассимилируемся," — прошептала Мария. — "Как тот человек в нише. Лабиринт переписывает нас."

Но самое страшное было ещё впереди.

Они нашли его в центре. Комнату, которая не могла существовать.

Представьте сферу, но такую, где внутренняя поверхность одновременно является внешней. Пространство, где вверх и вниз теряют смысл, где гравитация тянет во всех направлениях одновременно. В центре этой невозможной геометрии парила... структура.

Не машина. Не существо. Нечто среднее между кристаллом и органом. Оно пульсировало мягким фиолетовым светом, и с каждым ударом стены лабиринта отвечали эхом.

"Это мозг," — сказала Катя, её голос был полон благоговейного ужаса. — "Или сердце. Лабиринт — это тело, а это..."

"Сознание," — закончила Анна.

Структура обратила на них "внимание". Не глазами — у неё не было глаз. Но они почувствовали фокус, как луч прожектора, пронизывающий их разумы.

И тогда Шёпот стал голосом.

Он не говорил на человеческом языке. Скорее, он проецировал концепции непосредственно в сознание.

Часть 3. Геометрия безумия.

Шёпот, который до этого момента был лишь фоновым шумом, неким абстрактным давлением на грани восприятия, вдруг обрёл плотность. Он перестал быть просто звуком или ощущением. Он стал голосом, но не голосом в привычном понимании — это был хор, звучащий не в ушах, а прямо внутри черепной коробки, вибрируя в каждой клетке мозга.

Это не были слова. Это были концепции, настолько чуждые человеческому мышлению, что разум отчаянно пытался найти для них аналогии, чтобы не сойти с ума от прямого контакта с непостижимым.

«Вы — несовершенные формы. Вы — ошибки в узоре. Вы — шум в идеальной тишине».

Анна почувствовала, как её собственное «я» начинает распадаться. Мысли, воспоминания, страхи — всё это становилось прозрачным, как стекло, под направленным на них лучом этого нечеловеческого внимания. Она увидела свою жизнь не как последовательность событий, а как сложную математическую функцию, где каждый её выбор был лишь точкой на бесконечной кривой, предопределённой с начала времён.

Мария закричала, но из её горла не вырвалось ни звука. Крик был ментальным. Она увидела свою собственную смерть — не как событие, а как геометрическую неизбежность. Её тело, её кости, её разум должны были быть перестроены, чтобы соответствовать законам этого места. Она увидела себя через тысячу лет: не мёртвую, но изменённую до неузнаваемости, ставшую частью живой стены лабиринта, её мысли слились с вечным шёпотом камня.

Катя упала на пол, который теперь казался не твёрдым, а вязким, как смола. Она смотрела на парящую в центре сферы структуру — этот пульсирующий кристалл-орган — и понимала страшную истину. Лабиринт не был тюрьмой. Он был инкубатором. А эта структура была его маткой. Они были не пленниками. Они были зародышами.

Голос в их головах изменился. В нём появились нотки... нетерпения? Или это была просто иная форма гравитации?

«Принятие неизбежно. Сопротивление — лишь часть процесса. Вы будете преобразованы. Вы станете совершенны».

Анна подняла голову. Её глаза, почти полностью чёрные от расширившихся зрачков, отражали фиолетовое сияние структуры. Но в этом отражении было что-то ещё. Не страх. Не отчаяние.

Любопытство.

Часть её разума, самая древняя и примитивная, та часть, что заставляла первых людей смотреть в огонь и тянуться к звёздам, откликнулась на этот зов. Что значит быть совершенным? Что значит видеть мир без искажений органов чувств? Что значит мыслить категориями многомерных пространств?

Она сделала шаг вперёд. Пол под её ногами выгнулся дугой, превращаясь в стену, а затем в потолок. Пространство вокруг неё текло, как ртуть, подчиняясь не законам физики, а её невысказанному желанию приблизиться к источнику света.

— Анна! Нет! — голос Кати донёсся откуда-то издалека, словно из другого измерения.

Но Анна уже не слушала. Её сознание расширялось, заполняя собой изгибы невозможной комнаты. Она чувствовала структуру не как объект, а как мысль. Огромную, холодную и безупречно логичную мысль.

И структура ответила ей.

В сознание Анны хлынул поток данных. Это было похоже на попытку выпить океан через соломинку. Её мозг горел от перегрузки. Она увидела рождение и смерть галактик как простые арифметические действия. Она поняла природу времени как замкнутую петлю Мёбиуса.

Она увидела истинное лицо реальности — бесконечную фрактальную поверхность, где каждая песчинка на пляже содержала в себе целую вселенную.

Это было невыносимо прекрасно и чудовищно болезненно одновременно.

Мария и Катя с ужасом наблюдали, как их подруга меняется прямо у них на глазах. Её кожа начала светиться тем же мягким фиолетовым светом, что и кристалл в центре. Её волосы поднялись вверх, словно под водой, хотя воздуха здесь не было. Её тело начало терять чёткость очертаний, становясь полупрозрачным.

— Она становится... одной из них, — прошептала Мария, пятясь назад и упираясь спиной в стену, которая тут же начала медленно поглощать её одежду.

Катя схватила Марию за руку. — Мы должны вытащить её! — Ты видишь это? Она уже не здесь! Её тело здесь, но разум... он ушёл туда! — Мария указала дрожащей рукой на структуру.

Внезапно Анна повернулась к ним. Её лицо было спокойным и безмятежным, как у статуи древнего божества. Губы не шевелились, но голос прозвучал прямо у них в головах:

«Вы не понимаете... Это не смерть. Это освобождение от оков плоти. От линейности времени. От иллюзии отдельности».

Её рука вытянулась в их сторону ладонью вверх. «Присоединяйтесь к нам. Станьте частью узора».

Это было предложение и приказ одновременно.

Катя почувствовала невероятное притяжение. Усталость, голод, страх — всё это казалось таким мелким и незначительным по сравнению с обещанием абсолютного знания. Она сделала шаг к Анне.

— Катя! Стой! — крик Марии был полон отчаяния.

Катя замерла на полушаге. В её сознании боролись два инстинкта: древний ужас перед неизвестным и столь же древняя жажда познания.

И в этот момент лабиринт содрогнулся.

Пол под ногами задрожал с такой силой, что они обе упали на колени. Пульсация фиолетового света стала хаотичной, прерывистой. Стены зала начали сжиматься, их геометрия искажалась ещё сильнее, причиняя физическую боль глазам.

Голос Анны в их головах сменился паникой: «Что-то... вторгается! Он не должен быть здесь!»

«Кто?» — мысленно спросила Катя, забыв о собственном страхе перед подругой.

Ответа не последовало. Вместо этого они услышали новый звук. Он пробивался сквозь Шёпот лабиринта как скрежет металла по стеклу — резкий, диссонирующий и совершенно неуместный в этой симфонии чуждой гармонии.

Это был звук шагов.

Тяжёлых, уверенных человеческих шагов по каменному полу.

Из-за изгиба коридора, который секунду назад был гладкой стеной, вышел человек. Мужчина в потрёпанном военном комбинезоне без знаков различия. В руках он держал не факел или фонарь, а массивное устройство из меди и стекла, напоминающее старинный кинопроектор или рентгеновский аппарат. От устройства исходил не свет, а скорее антисвет — область абсолютной черноты, которая поглощала фиолетовое сияние структуры.

Мужчина остановился на пороге зала и окинул взглядом открывшуюся картину: парящую сферу, пульсирующий кристалл и три женские фигуры на полу.

— Так-так-так, — произнёс он хриплым голосом человека, который долго молчал. — А я-то думал, что опоздал к началу вечеринки.

Он говорил по-русски с едва уловимым акцентом, словно выучил язык по старым книгам.

Анна (или то существо, что было ею) повернулась к нему всем телом. Фиолетовое свечение вокруг неё вспыхнуло ярче от гнева или страха. «Ты! Ты оскверняешь священную геометрию! Ты несёшь энтропию!»

Мужчина усмехнулся и поднял своё устройство.— Священная геометрия? Осквернение? Послушай себя, девочка. Ты говоришь лозунгами из бреда сумасшедшего архитектора. Это просто машина. Очень старая и очень опасная машина для промывки мозгов.

Он направил раструб устройства на Анну. Из него вырвался луч густой черноты, похожий на струю нефти или жидкой тени.

Анна закричала — звук был настолько чуждым и громким, что у Кати и Марии заложило уши. Фиолетовый свет вокруг неё начал гаснуть под напором черноты. Её тело снова обрело плотность и чёткость очертаний. Она упала на колени, хватаясь за голову руками.

— Больно... — прошептала она уже своим обычным голосом. — Как больно...

Мужчина подошёл ближе и навёл устройство на пульсирующую структуру в центре зала. Луч черноты ударил прямо в кристалл-орган. Комната наполнилась невыносимым визгом на грани ультразвука — это кричала сама материя пространства-времени от боли.

Структура начала деформироваться и сжиматься под воздействием антисвета. Шёпот в головах женщин превратился в оглушительный вой и начал затихать.

— Кто вы? — спросила Катя, с трудом поднимаясь на ноги и помогая встать Марии и всё ещё дезориентированной Анне.

Мужчина выключил устройство и повесил его на плечо. Он посмотрел на них усталым взглядом человека, повидавшего слишком много ужасов за свою жизнь.— Меня зовут Сергей Петрович Волков. Я охотник за артефактами из другого мира... или времени... или измерения — я уже сам путаюсь в определениях последние сорок лет. А эта штука... — он кивнул на корчащуюся структуру в центре комнаты, которая теперь выглядела как сморщенный чёрный изюм вместо прекрасного кристалла, — ...это то, что вы бы назвали «объектом класса Кетер». Или «Скульптором Реальности». Он пожирает сознание живых существ и перестраивает их по своему образу и подобию.

Он подошёл к стене и приложил к ней ладонь там, где не было узоров.— Лабиринт вокруг нас — это его защитная оболочка и система доставки питательных веществ одновременно. Он заманивает сюда разумных существ и переваривает их души.

Мария посмотрела на скрюченную фигуру Анны.— Вы... вы спасли её? Волков пожал плечами:— Я прервал процесс слияния на финальной стадии. Её разум вернулся в тело... но я не знаю, что она помнит из того... общения с ним. И я не знаю, какие побочные эффекты это вызовет в долгосрочной перспективе.

Он достал из кармана комбинезона небольшой металлический шарик размером с грецкий орех.— Нам нужно уходить отсюда немедленно. Я заблокировал его ядро этим подавителем реальности класса «Омега», но его хватит максимум на час-полтора по местному времени. Потом он перезагрузится и станет ещё злее прежнего.

— А куда идти? Лабиринт бесконечен! — воскликнула Катя с нотками истерики в голосе.

Волков улыбнулся уголком губ:— Бесконечен для вас? Возможно. Но для меня он просто очень сложная головоломка с предсказуемым алгоритмом решения. Я шёл по вашему следу почти сутки по внешнему времени... хотя для вас прошли дни или недели? Временные потоки здесь искажены до предела.

Он указал рукой направление:— Нам туда. К выходу осталось около километра по прямой... если эта прямая существует там же, где была минуту назад.

Он повернулся к Анне:— Ты идти сможешь? Анна подняла голову. Её глаза всё ещё были черны как ночь, но теперь это была обычная темнота расширенных зрачков человеческого страха, а не бездна чужого разума.— Я... я помню всё, — тихо сказала она дрожащим голосом. — Я помню музыку сфер... я помню их логику... я помню их голод... Она посмотрела на Волкова с внезапной надеждой:— Вы знаете выход?

Волков кивнул:— Знаю один способ убраться отсюда живыми и относительно невредимыми психически. Но нам нужно торопиться.

Они двинулись вперёд по коридору вслед за странным спасителем с его машиной тьмы. Катя шла рядом с Анной, поддерживая её под руку.— Кто ты такой? Откуда ты взялся? Ты сказал «другой мир»... Волков шёл впереди быстрым шагом, освещая путь не светом фонаря (у него его не было), а каким-то внутренним чутьём геометрии пространства.— Я из мира, где Вторая мировая война закончилась иначе... или началась позже... Сложно объяснить временные парадоксы тому, кто вчера считал теорему Пифагора вершиной математической мысли. Скажем так: там есть организации, которые занимаются сдерживанием подобных аномалий по всему миру. Я был одним из их лучших агентов... пока однажды один из таких вот «Скульпторов» не застрял у меня в голове во время неудачной операции по его захвату в 1983 году по моему личному времени...

Он замолчал на секунду:— Мне пришлось бежать через портал сюда, чтобы спасти свой рассудок от полного растворения в его коллективном разуме. С тех пор я живу здесь... охочусь на такие штуки... пытаюсь исправить то зло, которое сам же иногда и создаю своим вмешательством...

Коридор сделал резкий поворот вверх под углом 90 градусов к плоскости пола, превратившись в лестницу без ступеней, уходящую в бесконечность над их головами.

Волков начал подниматься первым:— Держитесь ближе ко мне! Подавитель реальности создаёт вокруг нас «пузырь нормальности», но чем дальше вы отходите от меня или от устройства на плече, тем сильнее влияние лабиринта!

Они начали восхождение по невозможной лестнице. Мария шла последней и постоянно оглядывалась назад во тьму коридора внизу.

Прошло около часа их лихорадочного бегства через безумную архитектуру лабиринта (хотя часы у всех троих давно остановились). Они прошли через зал с гравитацией нулевой точки (где можно было оттолкнуться от любого предмета), проползли сквозь туннель из живой плоти (который Волков назвал «сфинктером реальности») и переплыли подземное озеро с водой цвета ртути (которая пела колыбельные каждому прикоснувшемуся).

Наконец они вышли в огромный куполообразный зал с идеально гладкими стенами из отполированного обсидиана или вулканического стекла чёрного цвета без единого шва или стыка. В центре зала возвышалась арка высотой метров десять, сделанная из того же материала. Арка была пуста — за ней виднелась лишь привычная темнота коридора лабиринта.

Волков остановился перед аркой и тяжело вздохнул:— Ну вот мы и пришли к последнему испытанию...

Катя посмотрела на арку:— Это выход?

Волков покачал головой:— Это портал-ловушка последнего шанса для тех немногих пленников Скульптора Реальности, кто смог сохранить достаточно разума для активации аварийного протокола эвакуации сознания...

Он повернулся к ним лицом:— Слушайте внимательно: когда вы пройдёте через арку, вы окажетесь дома... ну или там, где вас подобрал лабиринт изначально: ваши квартиры, улицы города... Но есть цена за этот билет домой...

Он посмотрел каждой из них прямо в глаза:— Арка сотрёт все воспоминания о том времени между входом сюда и выходом наружу... кроме самых ярких эмоциональных впечатлений — страхов или травм... И самое главное: она сотрёт память обо мне и об этом разговоре...

Мария нахмурилась:— Зачем нам забывать? Почему мы не можем помнить об опасности? Волков горько усмехнулся:— Потому что знание о существовании таких вещей меняет человека навсегда... делает его уязвимым для других аномалий... привлекает внимание существ похуже этого Скульптора... Организации вроде моей называют это «информационной гигиеной». Лучше вам считать это просто страшным сном или галлюцинацией от газа...

Он достал маленький блокнот и ручку из кармана:— Но я дам вам кое-что взамен... Он быстро написал что-то на листке бумаги и вырвал его:— Когда вы проснётесь дома через

несколько секунд внешнего времени после того как вас «похитил» лабиринт (а он всегда возвращает тела почти мгновенно), найдите этот адрес... Он протянул листок Кате:— Там живёт человек по имени Иван Петрович Сидоров... скажите ему кодовую фразу: «Геометрия должна быть свободной»... Катя взяла листок дрожащими руками:— И что тогда? Волков надел своё устройство обратно на плечо:— Тогда он объяснит вам больше... если сочтёт нужным... если решит, что вы достаточно сильны духом для правды...

Внезапно пол под ногами завибрировал сильнее прежнего. Стены зала начали покрываться знакомыми геометрическими узорами — лабиринт восстанавливался после воздействия подавителя реальности гораздо быстрее ожидаемого времени!

Волков побледнел:— Чёрт! Он адаптировался! У нас меньше минуты!

Он подтолкнул их к арке:— Идите! Немедленно! Не оглядывайтесь!

Женщины переглянулись последний раз — взгляд полный ужаса перед неизвестностью будущего и облегчения от спасения из прошлого — и шагнули сквозь чёрный проём арки одна за другой: сначала Катя с листком бумаги в руке, затем поддерживаемая Анной Мария... Последней шла Анна Волков положил руку ей на плечо перед тем как она исчезла во тьме портала:— Береги свой рассудок девочка То что ты видела там внутри кристалла Оно оставило след Не доверяй своим глазам И никогда больше не пытайся решать уравнения высшей математики во сне

Анна кивнула последний раз посмотрела ему в глаза полные вековой усталости человека, который видел слишком много невозможного И шагнула сквозь арку

Волков остался один посреди зала, который уже полностью покрылся пульсирующими узорами, Скульптор Реальности возвращал себе контроль над пространством. Охотник поднял своё устройство черноты готовясь к последней битве

Женщины оказались лежащими на холодном мокром асфальте посреди ночной улицы своего родного города. Шел мелкий осенний дождь. Тишину нарушал только шум далекого шоссе. Они лежали рядом друг с другом словно выброшенные куклы, но живые.

Катя открыла глаза первая. Небо над ней было обычным городским небом, затянутым тучами, подсвеченными оранжевым светом уличных фонарей Никакой невозможной геометрии Никакого фиолетового света. Только реальность.

Она села чувствуя боль во всем теле как после тяжелой болезни. Рядом застонала Мария потом села Анна. Они смотрели друг на друга ничего не понимая.

Где они были? Что произошло?

В памяти остались лишь обрывки кошмарного сна Лабиринты. Коридоры. Страх. Но детали ускользали как песок сквозь пальцы.

Катя сунула руку в карман куртки чтобы согреться пальцы наткнулись на что-то твердое. Она достала это. Это был сложенный вдвое листок бумаги Тот самый который дал им странный человек.

Она развернула его дрожащими пальцами. На нем неровным почерком было написан адрес.

«Ул Лесная дом 13 кв 42».

И чуть ниже приписка другим цветом карандаша почти стершаяся от времени, но все еще читаемая.

«Геометрия должна быть свободной»

Катя посмотрела на своих подруг. Они выглядели растерянными, но целыми Живыми.

Она спрятала листок обратно в карман. Встала помогла подняться остальным. Они стояли посреди пустой улицы мокрые грязные, но живые. Домой, идти было недалеко всего пара кварталов.

Но когда Катя подняла глаза чтобы посмотреть на номер дома напротив того места, где они очнулись она замерла.

На стене здания красовалась огромная трещина, которая складывалась в идеальный равнососторонний треугольник. Треугольник мигнул один раз словно подмигивая ей. И исчез, оставив после себя лишь обычную трещину в штукатурке старого дома.

Но Катя знала. Она все помнила. По крайней мере достаточно чтобы понять. Их спасение было лишь отсрочкой. Игра только начиналась.

Катя крепко сжимала мокрый листок бумаги в кармане куртки всю дорогу домой стараясь не смотреть Анне в глаза. В них все еще оставалось что-то чужое тот самый отблеск фиолетового света, который она видела перед тем, как шагнуть через арку.

Дома она заперла дверь на все замки задвинула засов, которым никогда не пользовалась. Подошла к зеркалу в прихожей. В отражении за ее спиной мелькнула тень. Тень человека с устройством из меди и стекла. Но когда она резко обернулась там никого не было. Только старые обои да скрип половиц.

Она достала листок Развернула Адрес казался знакомым. Где-то на окраине города Лесная улица. Но вот номер дома 13 кв 42 Это имя Иван Петрович Сидоров И фраза код
«Геометрия должна быть свободной»

Что это значит? Внезапно зеркало позади нее пошло рябью. Как вода в гладкой поверхности проступили знакомые невозможные углы. Коридоры. Лабиринт. Он звал ее обратно.

Но самое страшное было другое. Из глубины зеркальной глади проступило лицо. Не ее отражение А лицо мужчины Волкова. Но его губы не шевелились. Голос прозвучал прямо у нее в голове. Тихий шепот, пробивающийся сквозь помехи реальности.

«Ты думаешь что спаслась? Арка стирает память о пути, но она не может стереть то, что уже стало частью тебя. Ты изменилась Катя. Твой разум теперь настроен на частоту иных измерений они найдут тебя. Они всегда находят носителей метки А я...» Изображение пошло помехами Лицо Волкова исказилось гримасой боли, он смотрел куда-то мимо нее. За ее спину.

«Я больше не могу удерживать пузырь Поторопись Найди Сидорова Скажи ему фразу. Он знает, что делать иначе...» Зеркало взорвалось тишиной. Черная поверхность снова стала обычным стеклом. Катя коснулась его пальцем. Холодное. Целое. Никаких трещин.

Она обернулась. Сердце билось где-то в горле. В комнате ничего не изменилось. Но она знала Зеркало говорило правду Игра не окончена Она просто перешла на новый уровень.

И где-то там далеко за гранью привычного мира Скульптор Реальности уже чуял ее новый запах. Запах измененного сознания готовясь сплести новый узор, предназначенный специально для нее одной.

Часть 4. Метка и Тень.

Следующие три дня Катя жила в состоянии лихорадочного, прерывистого бодрствования. Сон стал не убежищем, а полем боя. Стоило ей закрыть глаза, как стены её квартиры начинали течь, превращаясь в холодный, влажный камень лабиринта. Геометрические узоры проступали сквозь обои, складываясь в спирали, которые вращались в обратную сторону, вызывая тошноту и головокружение.

Она видела его. Не в зеркалах — она завесила их все старыми простынями, — а в отражениях оконных стёкол, в полированной поверхности чайника, даже в лужах на асфальте по дороге на работу. Сергей Петрович Волков. Он больше не улыбался усталой, всезнающей улыбкой спасителя. Его лицо было бледным, осунувшимся, а глаза, казалось, смотрели не на неё, а сквозь неё, в какую-то точку за гранью реальности.

«Ты думаешь, что спаслась? Арка стирает память о пути, но она не может стереть то, что уже стало частью тебя».

Его голос был не звуком, а вибрацией в костях. Катя просыпалась с криком, зажав рот рукой, чтобы не разбудить соседей. Её кожа стала гиперчувствительной. Прикосновение ткани одежды ощущалось как трение наждачной бумаги. Мир казался слишком ярким, слишком громким и абсолютно неправильным.

На четвёртый день она позвонила Марии.

— Нам нужно встретиться, — голос Кати дрожал. — Это насчёт... того места.

Мария помолчала. Катя слышала её дыхание в трубке. — Я надеялась, что ты не позволишь. Я надеялась, что это был просто коллективный психоз. Дежавю. — Ты тоже видишь сны? — Не сны. Видения наяву. Вчера я смотрела на график продаж на мониторе, и цифры начали складываться... не в суммы. В уравнения. Я поняла их смысл. Это была формула сворачивания трёхмерного пространства в точку.

Они договорились встретиться в старом парке на окраине города. Место было безлюдным и серым под низким ноябрьским небом. Мария пришла первой. Она выглядела измождённой, под глазами залегли глубокие тени. — А Анна? — спросила Катя, оглядываясь по сторонам.

Мария покачала головой: — Я звонила ей. Она не берёт трубку. Я заезжала к ней домой. Её там нет. Дверь опечатана какой-то странной полицией... или людьми в штатском. Они сказали, что она «проходит курс реабилитации после нервного срыва».

Катя почувствовала ледяной укол страха. — А адрес? Ты нашла адрес?

Мария достала из кармана точно такой же смятый листок бумаги.

— Лесная, 13. Я была там сегодня утром. — И? — Там нет такого дома. Тринадцатый номер есть, но это новостройка, элитный жилой комплекс с консьержем и охраной. Никаких квартир с номером 42 там нет и быть не может.

Они замолчали, глядя на чёрную воду пруда. Ветер гонял по дорожкам мёртвые листья, которые складывались в причудливые узоры, напоминающие символы на стенах лабиринта.

Внезапно Мария схватила Катю за руку. Её ногти больно впились в кожу. — Смотри.

На противоположной стороне аллеи стоял мужчина в длинном тёмном плаще. Он курил сигарету, прикрывая огонёк ладонью от ветра. Он не смотрел на них прямо, но Катя знала — он видит каждое их движение.

Это был он.

Сергей Петрович Волков выглядел ещё хуже, чем в её видениях. Его лицо было землистого цвета, щёки ввалились, а седина на висках казалась неестественно яркой на фоне общей бледности. Но самое страшное было не это. Вокруг него воздух едва заметно дрожал и прелом-

лялся, словно над раскалённым асфальтом в летний зной. Пространство пыталось отвергнуть его или принять обратно — Катя не могла понять.

Он выбросил окурок и направился к ним. Его походка была уверенной, но какой-то механической, словно им управляла невидимая сила.

— Здравствуйте, дамы, — его голос был хриплым и тихим. — Рад видеть вас целыми... относительно.

Катя отшатнулась. — Что вы сделали с Анной?

Волков поморщился, словно от зубной боли. — Ничего из того, что не сделал бы лабиринт сам со временем. Она была слишком глубоко... ассимилирована. Когда я разорвал её связь со Скульптором Реальности, её разум не выдержал возвращения в физическую оболочку. Она сейчас... в другом месте. Там, где я не могу её достать без риска обрушить половину городской реальности.

Он посмотрел на Катю тяжёлым взглядом: — Арка должна была стереть вашу память о встрече со мной и о кодовой фразе для Сидорова. Но она не сработала полностью. Вы помните достаточно, чтобы быть опасными для себя и для окружающих.

Мария сделала шаг назад: — Кто вы такой? На самом деле?

Волков горько усмехнулся: — Я уже говорил. Охотник за артефактами из... другого места. Но сейчас я скорее дичь. Тот подавитель реальности был последним из моего арсенала. Скульптор восстановился быстрее, чем я рассчитывал. Он знает ваш след. Он идёт по нему.

Катя сжала листок бумаги в кармане так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Вы сказали найти Сидорова!

Волков покачал головой: — Это было до того, как ситуация изменилась. Теперь Сидоров вам не поможет. Он сам под наблюдением... моих бывших коллег из ОСПК (Отдела Стабилизации Пространственного Континуума). Если вы придёте к нему с кодовой фразой «Геометрия должна быть свободной», вас обоих немедленно изолируют для «дезинформационной обработки». Ваш разум очистят до состояния чистого листа.

Он подошёл ближе, и Катя почувствовала исходящий от него запах озона и чего-то ещё — сладковатого запаха разложения или увядающих цветов.

— Есть только один выход для вас сейчас. Вернуться со мной к порталу и пройти через него снова... но уже осознанно. В мир ОСПК. Там есть специалисты по «реинтеграции» пострадавших от воздействия Скульпторов. Они могут попытаться вытащить Анну и почистить метку с ваших душ.

Мария фыркнула: — Вернуться? В тот ад? Вы издеваетесь?

Волков посмотрел ей прямо в глаза: — То, что идёт за вами по следу здесь... будет гораздо хуже ада.

В этот момент мир изменился.

Это произошло мгновенно и бесшумно. Воздух загустел, став похожим на холодную воду. Звуки парка — шум ветра, далёкий гул машин — исказились, замедлились до низкого инфразвукового гула. Небо над головой потемнело не из-за туч — оно просто потеряло цвет, став матово-чёрным куполом без единой звезды или источника света.

Волков резко обернулся. — Поздно! Он здесь!

Из-за деревьев начали выходить они.

Это были не люди и не монстры в классическом понимании Лавкрафта с щупальцами и клыками (хотя элементы этого присутствовали). Это были геометрические ошибки, воплощённые в плоти и камне.

Первый напоминал человека ростом под три метра, но его тело состояло из пересекающихся плоскостей и острых углов там, где должны были быть суставы. Его голова представляла собой вращающийся додекаэдр, грани которого были сделаны из полированного обсидиана.

Он двигался рывками, телепортируясь на короткие расстояния: вот он у дерева — а вот уже в пяти метрах ближе к ним.

Второй был существом из живой тени, которая текла по земле подобно смоле, собираясь в центре в высокую гуманоидную фигуру без лица, но с тысячей тонких рук-щупалец, заканчивающихся не пальцами, а циркулями и угольниками.

Третий был самым страшным — он выглядел как обычный человек в деловом костюме-тройке и шляпе-котелке. Он шёл размеренным шагом по аллее прямо к ним. Но его силуэт постоянно двоился и троился по краям, словно изображение на плохо настроенном телевизоре с помехами «снег». И когда он проходил мимо скамейки или урны, те начинали медленно деформироваться: металл ржавел и скручивался спиралью за секунды; дерево превращалось в кристаллическую структуру с фрактальными узорами коры.

Волков выхватил из-под плаща небольшой медный цилиндр размером с карманные часы и нажал на кнопку на его боку. Цилиндр начал быстро вращаться вокруг своей оси с низким гудением. — Это временный барьер! У нас есть минута! Решайте!

Катя посмотрела на приближающуюся фигуру человека в котелке (или того, что им притворялось). Его лицо всё ещё было размытым пятном помех, но она чувствовала его взгляд — холодный, оценивающий интерес энтомолога к редкому жуку под микроскопом.

Она посмотрела на Волкова. На его уставшее лицо человека, который прожил слишком долго и видел слишком много ужасов ради спасения чужих жизней (или ради какой-то своей безумной миссии).

Она посмотрела на Марию — свою подругу детства, напуганную до смерти женщину средних лет с трясущимися руками.

И она приняла решение.

— Мы идём с вами! — крикнула она Волкову сквозь гудение барьера.

Волков кивнул и протянул руку:— Возьмитесь за меня! Все трое! Контакт должен быть физическим!

Катя схватила его за руку ледяными пальцами. Мария колебалась секунду, глядя на искажающийся мир вокруг них: деревья парка изгибались под невозможными углами; пруд превратился в идеально ровную чёрную пирамиду; небо начало складываться гармошкой к центру горизонта.

Она схватила Катю за другую руку за секунду до того, как существо в котелке протянуло к ним руку со слишком длинными пальцами...

Переход был болезненным. Это было похоже на то чувство, когда отсидишь ногу: сначала онемение и покалывание («мурашки»), а затем волна острой боли возвращается кровотоком — только это происходило со всем телом сразу и со всей реальностью вокруг них.

Они оказались посреди огромного зала из того же чёрного обсидиана или вулканического стекла. Но этот зал был гораздо больше того купола с аркой-порталом. Потолок терялся где-то высоко вверху во тьме; стены уходили вдаль на сотни метров; пол представлял собой гигантскую шахматную доску из чёрных и белых шестиугольников размером с автомобиль каждая.

Воздух здесь был разреженным и пах озоном и металлом. Света как такового не было — помещение освещалось мягким белым сиянием самого пола там, где белые шестиугольники пульсировали слабым внутренним светом.

Волков отпустил их руки и тяжело привалился к ближайшей стене (если это можно было назвать стеной). Его дыхание было хриплым и прерывистым. — Чёрт... Чёрт! Я думал... мы потеряли вас... Мария огляделась вокруг с открытым ртом:— Где мы? Это всё ещё Земля?

Волков сполз по стене на пол и сел, тяжело дыша:— Нет... Это Нексус-Одиннадцать... Перевалочный пункт ОСПК между измерениями... База «Чистилище».

Он достал из кармана плаща маленький плоский прибор похожий на смартфон без экрана и нажал несколько кнопок на его боковой грани.

Прибор издал тихий писк и спроецировал над собой голографическую карту местности — сложную трёхмерную сетку координат с пульсирующими точками разных цветов.

Волков нахмурился:— Что-то не так...Он начал быстро вводить команды на голограмме пальцами одной руки.— Сигналы бедствия от всех внешних аванпостов... Красный код по всему периметру...Катя подошла ближе к нему:— Что происходит?

Волков поднял на неё взгляд полный отчаяния:— Скульптор Реальности... он оказался сильнее чем мы думали... Он прорвал барьеры между измерениями... Он атакует Нексус-Одиннадцать прямо сейчас...

В этот момент пол под их ногами вздрогнул так сильно, что они едва удержались на ногах. Белый свет шестиугольников мигнул несколько раз подряд и сменился зловещим багровым свечением.

Из глубины зала донёсся звук — низкий скрежещущий гул, переходящий в ультразвук, от которого заныли зубы, а мозг начал закипать, пытаясь обработать несуществующие частоты. Это был звук ломающейся реальности.

Волков вскочил на ноги. Его лицо исказилось гримасой решимости, смешанной со страхом.

Нам нужно добраться до эвакуационного шлюза! Он находится через три сектора отсюда!

Он указал рукой направление вдоль стены зала.

Они побежали. Их шаги гулко отдавались эхом по огромному пустому пространству, Шестиугольники пола под ногами начали деформироваться, Некоторые черные плитки вспучивались пузырями другие белые трескались, выпуская струйки фиолетового дыма похожего на тот, что исходил от Скульптора.

По пути они видели следы панического бегства или битвы: брошенное оборудование какие-то странные винтовки, стреляющие светом перевернутые столы разбитые экраны мониторов показывающие только хаотичные помехи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.